

TET-A-TET

У нее английское имя Нелли. Украинская фамилия Савиженко. По национальности она литовка. По профессии актриса. По призванию — тоже. Работает в драматическом театре литовского города-порта Клайпеда, снималась в Москве, Одессе, Киеве, Вильнюсе. Зрители знают ее главным образом по роли Гретхен в телесериале «Богач, бедняк» по роману Ирвина Шоу.

Темпераментом, широтой диапазона, терпкой женственностью она напоминает звездную американку Мерил Стрип. На прошлом актерском фестивале «Созвездие» Нелли была удостоена премии кинопрессы и Петербургской гильдии актеров кино за работу в фильме «Запах осени». А беседа наша началась с житейского вопроса: откуда у литовки такая нелитовская фамилия?

— Не знаю. Отец родился в Литве, бабушка — литовка. А вот дед откуда-то приехал в Литву.

— Похоже, с Украины!

— Может быть. Мои родители так давно расстались, что до корней наших теперь не докопаться. А вся моя жизнь связана с Литвой. Родилась в Вильнюсе, окончила школу, институт, вместе с сокурсниками в 1980 году стала работать в Клайпедском драматическом театре.

— И с тех пор там бессменно!

— Да, но с перерывом в три года. Случилось так, что перестала верить в себя. В театр. Показалось — наш театр умирает. Все бессмысленно, зря уходит время. Бесконечно играла милых, наивных, добрых девочек-плак, и в конце

РОЛЬ ДЛЯ УЛЫБКИ

концов мне уже в пору самой было завидовать от этих девочек. Я ушла. Преподавала, снималась. Но все же сцена — мое главное дело. Через три года руководитель театра, в прошлом мой педагог, позвал на прекрасную роль в пьесе Гарольда Пинтера «Предательство». Так я вернулась, наверное, уже навсегда.

— Ваш репертуар изменился после возвращения?

— О да! Мне всегда хотелось играть очень разные роли. Еще в институте любимой работой была старшая бабушка, страшная-престрашная, сидела, грызла семечки, бормотала. В студенческие годы верила, что буду играть все! Еще одна любимая работа — Анна Кристи из одноименной пьесы Юджина О'Нила, девушка легкого поведения. Когда мы репетировали, я с подружками специально ходила в кафе, чтобы увидеть дам такого рода, взять у них что-то для роли. Всегда очень долго вынашиваю в себе роль. Завидую актерам, которые могут сразу выцепить своего героя. Иногда играю, первый, второй, третий спектакль, а ощущаю себя все еще некрепко. Уверенность приходит, когда чувствую активную реакцию зала на сделанное мной.

— Наверное, помогает опыт — ваша киножизнь началась довольно рано!

— Рано и странно. Дважды меня вызывали на кинопробы, когда я была еще студенткой. Приходила на студию, там на меня смотрели, слушали, молчали, и мне становилось страшно. Я боялась чужой для меня атмосферы проб. В третий раз пригласил сниматься Арунас Жебрюнас в «Богаче, бедняке». Я читала роман, не зная, что он мне предложит. И только в костюмерной, перед пробой услышала, что это роль Гретхен. Боже мой, Гретхен — яркая, красивая, необычная. Причем тут я? Конечно, меня не утвердят. Стало легко, я была раскрепощена на съемке, ничего для себя не ждала. Оттого, должно быть, и сыграла. Но позже, уже в начале работы, хотела отказаться, когда увидела рядом именитых партнеров, потрясающих артистов. Просто испугалась. Помогло то, что Жебрюнас прежде снимал детские картины, имел опыт работы с детьми, который ему пригодился в общении со мной, как это ни смешно может показаться. Помогали и партнеры — Регимантас Адомайтис, прекрасная актриса из Каунаса Рута Сталлионайте.

— Работа в кино придала вам уверенности в себе!

— Не слишком. Еще одна моя сла-

бость — страдаю от повышенного внимания к себе, а именно это и приносит кино, телевидение. Мне становится неловко, неуютно. Коллеги в театре уже как-то по-другому воспринимали меня после фильма: на улице, в автобусе на меня смотрели, наблюдали за мной. Если моя маленькая дочь начинала плакать, немедленно собиралась толпа. Я очень тяжело переношу все это.

— У вас театральная семья!

— Да, муж — актер, мой сокурсник. Нашей дочери Габриэле четырнадцать лет.

— Нелли, несмотря на вашу нелюбовь к популярности, вы все же продолжаете сниматься, став одной из самых известных литовских актрис, которую постоянно приглашают и на другие студии.

— Действительно приглашают. После телефильма была картина Родиона Нахапетова «На исходе ночи» (правда, вспоминаю свою там работу без особой радости — она довольно примитивна). Был фильм Альгимантаса Грижявичуса «Исповедь его жены», фильм Исаака Фридберга «Столкновенение», где я снималась с Николаем Пастуховым и Анатолием Ромашиним и озвучивала себя по-русски.

— А была самая интересная для вас роль в те годы!

— Анна из «Украденного счастья» по пьесе Ивана Франко. Снималась картина на студии Довженко, партнеры — Богдан Ступка и Григорий Гладий. Надо ли что-то добавлять, назвав их имена? Я была влюблена в Ступку. Хотя, почему была? Влюблена по сей день в этого актера, в Киев. Кстати, вы говорили о моих родовых корнях — сценарий мне прислали на украинском языке, на студии многие заговаривали со мной по-украински. Вот что значит фамилия!

— Анна — трагическая роль. Мне кажется, в чем-то она вела вас к героине из «Запах осени». Там вы практически держите всю картину.

— В театре я играю трагический репертуар. В «Запах осени» меня пригласил Виктор Ноздрюхин (он был оператором на фильме, где я снималась до этого). Он собирался ставить картину по рассказу прекрасного итальянского писателя Дино Буццати и заговорил со мной о главной роли. Я прочла рассказ — блестящая литература, хотя очень сомневалась, возможно ли это сделать в кино? Но играть такую роль очень, очень хотелось.

— Вам не страшно было прожить на экране жизнь умирающей, и осознающей свой уход женщины?

— Еще как страшно! Был и страх перед тем, что я чего-то не сумею сделать, преследовало чувство постоянной

неудовлетворенности.

— Вы из породы самоедов!

— Ужасных. Кроме того, все время шел брак по пленке. Переснимали по три-четыре раза. Я бесконечно летала в Одессу. Хотя за десять лет работы в кино пора привыкнуть ко всему. Актер, если только он действительно актер! — всегда сможет собраться, не станет щадить и жалеть себя. Тем более, если увлечен ролью.

— Нелли, в Литве, впрочем, как и всюду сейчас, ситуация в кинематографе тяжелей. Отозвался ли это на вашей актерской судьбе!

— Ситуация ужасающая. Интеллигентные художники сидят без работы. А неинтеллигентные, непрофессиональные люди находят деньги и снимают соответствующие картины. Мне повезло: недавно я снялась на Литовском телевидении в пьесе Уильяма Гибсона «Двое на качелях», в паре с нашим талантливым актером Костасом Сморгинасом. Пока меня еще приглашают в Россию, на Украину, в Одессу. У меня абсолютно нет ощущения границ, разделивших нас. Великой радостью был фестиваль «Созвездие» — я встретилась с Ниной Руслановой (мы вместе снимались в фильме «На исходе ночи»); с Аллой Ларионовой, с которой я подружилась в Киеве. Никогда и в мечтах не могла себе представить, что буду сидеть рядом с Татьяной Самойловой — перед ней просто преклоняюсь за ее Анну Каренину. Была на «Созвездии» встреча с Таней Васильевой, моей партнершей в картине «Дамский портной».

— Где вы играли Ирину, невестку портного, которая добровольно уходит на смерть, хотя могла бы спастись. Практически совершает самоубийство...

— В жизни бывают решающие критические моменты, когда человек не имеет права оставить своих близких, что бы ему ни грозило. Он понимает, что гибнет, но иного пути нет. Не может быть, если он — человек. Мне это очень понятно и близко. Варианты нереальны, по крайней мере в моем представлении. Играть Ирину было прекрасно — рядом Татьяна Васильева. И, конечно, Иннокентий Михайлович Смоктуновский. Бывают партнеры хорошие, одаренные, играешь и знаешь, что они сейчас сделают, как произнесут ту или иную реплику. С ними спокойно. Но есть актеры непредсказуемые. С ними — полный импровиз. Все может прозвучать, быть сыграно совершенно иначе в каждом новом дубле. И ты с ними рождаешься тоже на каждом дубле. Я ценю именно такой способ общения, потому с огромной благодарностью вспоминаю об Иннокентии Михайловиче и Татьяне Васильевой. На репетиции одной из прин-

ципально важных сцен Таня общалась со мной шепотом. Включили камеру — она истерически закричала. Тогда я мгновенно переключила свои регистры, чтобы соответствовать ей. С Васильевой невозможно думать только о себе, ты — в едином с ней мире.

Иннокентий Михайлович был в еще большей степени прекрасно непредсказуем, поразителен в тончайших душевных нюансах, щемяще искренен, трагичен. Очень щедр к коллегам творчески. В одном эпизоде моя героиня являлась домой пьяная. Я не знала, что делать, боялась пережать, изменить чувству меры, и ничего у меня не получалось. Тогда Иннокентий Михайлович посмотрел на меня и просто показал, как держит голову донельзя пьяный человек. Я повторила — сразу исчезла скованность, я освободилась от терзавшего меня страха, сомнений. Больше не думала — выйдет-не выйдет? И сыграла.

— А человечески вам было легко с этим гениальным артистом!

— Очень легко. Мы познакомились еще на съемках картины «На исходе ночи». На «Дамском портном» я старалась все время держаться поближе к нему, не отходить, быть рядом. В той самой сцене, где Ирина приходит пьяной, свекр дает ей пощечину. Боже мой, как Иннокентий Михайлович переживал, что должен ударить меня! Спрашивал режиссера: «Можно я ударю ее по плечу?» Нельзя было — сцена шла на крупном плане. А он по натуре своей просто не мог ударить женщину. Не мог! Все же пришлось — ударил, а потом несколько дней просил прощения, будто был действительно виноват. Какими словами говорить о нем? Не знаю.

— Нелли, у вас уже есть большой и довольно удачный опыт работы на сцене, в кинематографе. Каким видите вам ваше будущее — только, если можно, в оптимистической версии.

— Время наше катастрофичное, что греха таить. Потому особого оптимизма от меня трудно ждать. Но очень хорошо чувствую себя у нас в театре, играя Порцию в «Венецианском купце» Шекспира. В день спектакля у меня с утра чудное настроение — не могу дожидаться вечера, выхода на сцену. Мечтаю о хорошей комедии и роли с чувством юмора, умной, тонкой. Может быть, думаю о комедии оттого, что жизнь наша такая трудная. Хочется дать людям повод улыбнуться, рассмеяться.

Беседовала Эльга ЛЫНДИНА.

Фото Игоря Гневашева.